

А.И. МИЛЛЕР

**МОДЕРНЫЕ ИМПЕРИИ:
ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ,
МЕХАНИЗМЫ КОНСОЛИДАЦИИ И РАСПАДА**

История и политическая наука постоянно заимствуют друг у друга инструменты познания и результаты эмпирических исследований, однако механизмы этих заимствований сильно различаются. Историки берут у политологов, как и у социологов, модели и концептуальные подходы, для того чтобы применить их на историческом материале. Политологи черпают в трудах историков факты для ретроспективных политологических построений и иногда заимствуют объяснительные конструкции применительно к прошлому. Впрочем, даже такие концептуальные заимствования из истории в политическую науку случаются довольно редко. Отчасти это объясняется тем, что в политической науке концепции и модели формулируются намного четче и решительнее, чем в истории. Историки не скрывают своего раздражения, когда кто-нибудь предлагает им, подобно некоторым политологам или социологам, определить, какая переменная является определяющей в развитии того или иного процесса, и неизменно отвечают, что учитывать нужно целый ряд факторов, а определить среди них один главный никак невозможно. Что, впрочем, не мешает им использовать заимствованные модели. Политологи порой полагают, что для их нужд достаточно посмотреть обобщающие исторические труды. Некоторые из них обращаются к коллегам-историкам с вопросом: какую книгу мне посмотреть по истории той или иной страны?

И злятся, когда историк предъявляет им список из десяти позиций, ссылаясь на то, что трактовки различаются. Это внимание преимущественно к «общепринятым» книгам приводит к тому, что некоторые политологи заимствуют устаревшие идеи и объяснения историков. В то же время ряд объяснительных концепций, родившихся в рамках исторической науки, может представлять интерес для современной политологии, в частности рассуждения историков относительно типологии империй и последствий распада различных имперских образований.

Интерес историков к империям заметно оживился в конце XX в., во многом в связи с развалом СССР¹. В 1990-е годы именно механизмы развала империй были в фокусе внимания историографии. Чаще всего эта тематика осмысливалась через призму теорий национализма, которые стали столь популярными в 1980-е годы. Рост периферийных национализмов и считался одной из главных причин крушения империй в XX в. На рубеже 1990-х и 2000-х годов историки переформулировали исследовательские вопросы: их стало больше интересовать, что делало империи столь устойчивыми в течение столетий, как была устроена система имперской власти. Похоже, теперь историки возвращаются к теме распада империй, отчасти в рамках исследовательских проектов, посвященных приближающемуся 100-летию со времени начала Первой мировой войны. И разумеется, сегодня они видят механизмы распада империй иначе, чем в начале «бума империологии».

Вообще, за последние несколько лет многие привычные подходы к истории империй были подвергнуты ревизии. Во-первых, мы пересматриваем традиционные способы классификации империй. До сих пор морские империи обычно противопоставлялись империям континентальным, а традиционные – современным. При этом качества современности, как правило, приписывались морским империям, а континентальные империи описывались как традиционные. Со временем историки обратили внимание, что именно в

¹ Сразу оговорюсь, что в этой статье обсуждаются только империи XVIII – первой половины XX в., т.е. империи того периода, который в историографии принято обозначать как «Новое время». Империя – это постоянно меняющаяся форма политической организации крупных политий, поэтому невозможно говорить о феномене империи «вообще», без привязки к определенному историческому периоду.

колониальных владениях британцы сохраняли намного дольше, чем в метрополии, многие черты «старого порядка» [Cannadine, 2001]. Другие империи, причисляемые к современным, также сохраняли много традиционных черт в колониальных владениях. С другой стороны, было отмечено, что все европейские континентальные империи, с большим или меньшим успехом, разными путями шли по пути модернизации, что ставит более общий вопрос об уместности использования понятия «модерность» в единственном числе [Eisenstadt, 2000; Sachsenmaier, Riedel, Eisenstadt, 2002].

Нетрудно заметить, что и разделение на морские и континентальные империи не слишком удобно. Вполне соответствуют модели морской империи только Португалия и Голландия с небольшой однородной европейской метрополией и значительными заморскими владениями. Метрополии Британии или Испании, которые чаще всего вспоминают, говоря о колониальных империях, на самом деле представляли собой сложные имперские структуры. Англия выполняла роль имперского центра в отношении Шотландии и Уэльса, Кастилия – в отношении Страны Басков, Каталонии и других периферийных королевств полуострова. В том числе, в течение некоторого времени в отношении Португалии, когда та была частью Испании. Франция имела значительные колониальные заморские владения, но также пыталась осуществить в наполеоновскую эпоху захватывающий дух проект континентальной имперской доминации в Европе. Причем в этот период Франция была готова пожертвовать важными заморскими владениями ради экспансии на старом континенте. Сама же Франция также представляла собой композитное политическое образование, далеко неоднородное в культурном и языковом отношении. Определению континентальных империй вполне соответствуют Австрийская империя Габсбургов, Османская империя и, с небольшими отклонениями, Россия, у которой были заморские владения в Русской Америке. Германия и Италия под флагом национального ирредентизма занимались строительством композитных политий в Европе. При этом они часто апеллировали к имперской традиции – в немецком случае – к традиции Великой Римской империи германской нации, в итальянском – к античному Риму, а также к имперским традициям Венеции и Генуи. Оба государства активно связались в схватку за колонии, в том числе и потому, что с помо-

щью колониальной экспансии рассчитывали решить проблему укрепления национального единства. А Германия, как мы слишком хорошо помним, в XX в. дважды пыталась осуществить имперскую экспансию в европейском пространстве. То есть Германия, Франция, Италия сочетали черты континентальных и морских империй с постоянно меняющимся во времени соотношением значимости этих компонентов.

Эlegantное решение проблемы классификации империй, которое помогает избежать традиционных для прежних классификаций бинарных оппозиций, было недавно сформулировано Эдвардом Диккинсоном [Dickinson, 2008]. Он предложил размещать империи на воображаемой оси, на которой те или иные качества, выбранные как основа для классификации, убывают или возрастают по мере приближения к полюсам. То есть если мы выберем критерием соотношение континентальных и заморских владений в структуре империй, то один полюс займут Португалия и Голландия, другой – Османская империя и Австро-Венгрия, а остальные империи будут располагаться между этими полюсами, совершая существенные подвижки по оси в зависимости от исторического времени. Остается вопрос: какие иные критерии могут быть использованы для размещения империй на этих воображаемых осях классификаций?

Важным элементом модернизации было постепенное утверждение демократического представительства в европейских метрополиях империй. Это создавало неизбежное напряжение. Юрген Остерхаммель в своем определении империи прямо указывает на этот фактор: «Империя – это большая иерархическая структура доминанции, имеющая полиэтнический и полирелигиозный характер. Устойчивость этой структуры обеспечивается угрозой насилия, имперской администрацией, коллаборацией подчиненных, а также универсалистскими программами и символами имперской элиты, но не социальной и политической гомогенизацией и универсальностью гражданских прав» [Osterhammel, 2004, p. 172]. Но была ли идея гражданских прав с самого начала универсальной? Она исключала не только колониальных подданных империй, но и большинство населения метрополии по критериям гендера, социального статуса и богатства. При этом в империи Габсбургов после 1867 г. и в империи Романовых после 1905 г. право на участие в выборах

получило население большинства периферийных регионов империи, хотя сами выборы были основаны на неравной, сословной, куриальной системе. Во Франции и Британии исключение различных групп населения метрополии из демократического процесса обсуждалось в прямой связи с имперской и расовой проблематикой [Pitts, 2005]. Принципы включения и исключения в отношении политического участия, безусловно, могут служить важным критерием классификации империй для периода XIX и XX вв.

Другой важный критерий классификации империй – это их роль в мировой политике. Собственно, претензия на роль великой державы и способность оказывать существенное влияние на мировую политику – ключевая черта империй, выделяющая их среди прочих композитных политий [Lieven, 2001]. Венский конгресс 1814–1815 гг. формально зафиксировал неравенство участников европейского концерта, разделив их на пятерку «великих держав» (Британия, Франция, Россия, Пруссия и Австрия), державы «второго порядка», которые участвовали не во всех комитетах Конгресса, и державы «третьего класса», которых приглашали лишь тогда, когда речь шла о них самих. Стремление защитить свои позиции в этой иерархии, повысить свой статус или вообще войти в «клуб», как в случае с Османской империей, оказывало существенное влияние на все стороны жизни империй. Вообще, то, что мы привычно называем международной системой, для рассматриваемого периода было, прежде всего, межимперской системой. И эта система характеризовалась довольно высокой динамикой. Например, применительно к XVIII и XIX вв. мы можем различать империи слабеющие и усиливающиеся именно в долгосрочном, стратегическом плане. Некоторые империи постоянно «сжимались» (Османская, Испанская, Датская, Шведская), некоторые фактически утратили способность к экспансии, как Австро-Венгрия. Другие, напротив, демонстрировали способность и стремление к дальнейшему расширению (Британия, Германия, Франция, Россия, США, Япония). Эта динамика, безусловно, оказывала существенное влияние на многие стороны внутривнутриполитического развития империй, в том числе имперских метрополий. Испания, например, столкнулась с серьезными трудностями в процессе строительства нации на Иберийском полуострове и ростом каталонского и баск-

ского движений сразу после потери Кубы и Филиппин в результате поражения от США в 1898 г.

Другая важная характеристика положения империй в мировом соревновательном пространстве – их периферийность или центральность в европейском масштабе. Иначе говоря, расположение имперской метрополии в центре мировой экономической системы, во многом совпадающем с пространством интенсивного урбанистического развития (часть немецких земель, север Франции, Нидерланды, Англия) или на периферии (полупериферии по Валлерстайну [Wallerstein, 2011]) – Испания, Австрия, Россия, Османская империя, – является важным критерием для понимания динамики практически всех имперских процессов и, в особенности, взаимоотношений империй и национализма.

Пожалуй, именно концептуальные подходы к проблематике взаимоотношений империй и национализма претерпевают сейчас самые интересные изменения. Ю. Остерхаммель совершенно справедливо заметил, что довольно широко распространенное убеждение, будто XIX в. был временем утверждения национальных государств, не соответствует действительности [Osterhammel, 2009]. Сходные тезисы высказывались рядом авторов и ранее [Kamen, 2004; Suny, 2001; Berger, Miller, 2008]. Если мы попытаемся вспомнить, какие национальные государства возникли в этот период, то перечень окажется весьма скудным. Остерхаммель указывает на четыре сценария формирования национальных государств в Европе XIX в.: «революционная автономизация» (Греция, Черногория, Болгария, Сербия, Бельгия), «гегемоническая унификация» (Германия и Италия), «эволюционная автономизация» (Норвегия) и «покинутые метрополии» (Португалия и Испания). Но даже этот список вызывает существенные возражения. Во-первых, нетрудно заметить, что успех сценария «революционной автономизации», характерный прежде всего для окраин Османской империи, в большой степени зависел от поддержки великих держав (читай – империй). Подавленное восстание в Болгарии в 1874–1875 гг. и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. могут служить прекрасной иллюстрацией. То есть успех или неудача революционных попыток суверенизации обеспечивались не столько силой национального движения, сколько тем, как это движение вписывалось в сценарии межимперского соперничества. Во-вторых, Остерхаммель однобо-

ко интерпретирует примеры «гегемонической унификации», т.е. опыт Германии и Италии, что отчасти можно объяснить почти безраздельным доминированием «национального нарратива» при интерпретации этих процессов. В действительности эти государства не только обращались к прежним имперским традициям для своей легитимации, но практически сразу же после объединения включились в соревнование за колонии, а Германия также предприняла попытку масштабной европейской экспансии. Элиты Германии и Италии делали это, во многом для того, чтобы решить проблемы национального строительства в своих государствах, которые были весьма далеки от состояния консолидированных наций. Наконец, Испания и Португалия, будучи «покинуты» своими колониями в Америке, постарались как можно скорее возместить, хотя бы отчасти, эту потерю новыми колониальными завоеваниями в Африке, т.е. продолжали вести себя как империи.

Можно, пожалуй, утверждать, что общий тезис Остерхаммеля о том, что XIX в. и начало XX в. были временем не национальных государств, но «империй и национализма», верен в большей степени, чем считает сам Остерхаммель. Во-первых, вне этой классификации Остерхаммеля остается едва ли не главный образец строительства нации, оказавший колоссальное влияние на всю Европу, – а именно французский. Попытка Наполеона установить имперскую гегемонию в Европе опиралась на «вооруженную нацию» и дала толчок новой, активной фазе строительства наций в ядре почти всех крупнейших европейских империй. Именно межимперское соперничество послужило главным императивом для имперских династий и элит, предпринявших вслед за Францией в Британии, Германии под прусской гегемонией и России попытку консолидации имперской нации. Среди прочего это обстоятельство указывает на ограниченность определения национализма как политического принципа, согласно которому пространства политического и культурного контроля должны совпадать. Это определение, предложенное Эрнестом Геллнером [Gellner, 1983, p. 1] и остающееся на сегодня почти доминирующим, описывает только периферийные сепаратистские национализмы, которые, как мы только что показали, вовсе не определяли повестку дня европейской политики в длинном XIX в. Национализм имперских наций, если бы он следовал «геллнеровскому» принципу, предполагал бы

либо намерение распустить империю, либо намерение превратить все население империи в нацию. Ни к тому, ни к другому ни один имперский национализм не стремился. Задача понималась как выделение в империи такого пространства и такого населения, которое должно быть включено в представление о национальной территории и нации [Berger, Miller, 2014].

Самый амбициозный с точки зрения экспансии национальной территории проект строительства имперской нации осуществлялся в России. Он включал в себя присвоение огромных пространств на окраинах империи как национальной территории и охватывал последовательно Поволжье, Новороссию, Северный Кавказ, Сибирь. Проект русской нации включал в ее состав, наряду с великорусами, белорусов и малорусов, а также многие угрофинские этнические группы. В Германии проект также предполагал германизацию значительной части входивших в состав Пруссии территорий бывшей Речи Посполитой, а после 1870 г. и Эльзаса. И в русском, и в немецком случае национальный ирредентизм поддерживал имперские притязания на некоторые территории, находившиеся вне имперских границ. Так, претензии России на Галицию и Угорскую (или Червонную) Русь идеологически обосновывались как «собрание русских земель» [Миллер, 2006]. Таков же был механизм германских претензий на остзейские провинции, до Франко-прусской войны на Эльзас, а еще ранее на Шлезвиг. Трудный процесс превращения знаменитого «гексагона» во французскую национальную территорию, а населения Лангедока, Прованса и Бретани во французов прекрасно описал Юджин Вебер [Weber, 1992]. Постепенно французский проект «перешагнул» море и включил в себя Алжир. Строительство британской нации описано Линдой Колли [Colley, 1994]. В британском случае море также не стало непреодолимым рубежом – наряду с Шотландией и Уэльсом многие трактовки британской нации включали Ирландию.

Нетрудно заметить, что все эти четыре империи принадлежали к «высшей лиге» европейских держав и к числу империй, сохранявших потенциал к дальнейшей экспансии. Это не значит, что менее сильные и успешные империи не осуществляли похожих проектов. Другое дело, что сценарии уже были несколько иные. Испания столкнулась с трудностями строительства нации именно в связи с поражением в войне за Кубу и Филиппины с

США. Это вызвало рост недовольства в Каталонии, элиты которой пришли к выводу, что кастильцы плохо справляются с имперскими задачами. Австро-Венгрия после поражения в войне с Пруссией оказалась в удивительной ситуации. Она не могла осуществлять у себя проект строительства немецкой нации, поскольку он уже был присвоен Пруссией. Габсбургам пришлось пойти на компромисс с наиболее сильной периферийной элитой, венграми, отдав им контроль над половиной империи. В Транслейтании венгры стали осуществлять проект строительства венгерской имперской нации, как только получили собственную субимперию. Австрия же попыталась использовать федеративные начала в Цислейтании. Турецкая нация стала плодом усилий имперских элит на стадии распада империи, когда прежние экспансионистские проекты уже были отброшены и во главу угла была поставлена задача минимизации ущерба в ходе распада Османского государства [Birtok, Dragonas, 2005]. Не забудем, что практически все примеры «революционной автономизации» относятся именно к Османской империи, и все они сопровождались жесточайшими репрессиями против мусульманского населения отпадающих окраин [McCarthy, 1995]. Именно массовое бегство в Анатолию мусульман с отпадавших окраин империи в конце XIX и начале XX в. позволило турецкому проекту строительства нации изменить в свою пользу демографический баланс в оспариваемых регионах Анатолии.

Важным критерием классификации современных империй, именно в связи со строительством наций, может служить степень культурной и языковой гомогенизации их метрополий, унаследованная от более ранних исторических периодов. Этнические и языковые различия в ядре империй становились важны в период массовой мобилизации. Понимание важности языкового единства росло в XIX в., однако империи не настаивали на монолингвизме, а удовлетворялись в большинстве случаев билингвизмом, в котором доминирующий язык имперского ядра дополнялся местным языком или языками [Barkey, Hagen, 1997; Kamusella, 2008]. Франция, с ее агрессивной политикой подавления местных языков, часто принимается за норму, хотя ее политику скорее следует считать экстремальным вариантом. Во второй половине XX в. такой подход стал нормой для большинства наций-государств (nation-states) и тех политических образований с более чем одной политически

мобилизованной нацией, которые некоторые политологи предлагают выделить в особую группу государств-наций (state-nations) [Stepan, Linz, Yadav, 2010; The Rise, 2010]. Помимо языка, этничность и раса воспринимались в XIX в. как важные элементы нации. Однако, подобно подходу к языковому многообразию, этничность и раса тоже не всегда служили абсолютным критерием исключения. Габсбургская идея полиэтнической нации, пусть и не обязательно в федеративной форме, находит аналоги в других империях. Тот факт, что эта идея не сработала, не означает, что она не могла работать. Более того, недавнее сравнение Габсбургской и Британской империй подчеркивает, что в Габсбургской империи принцип этнической нейтральности был развит заметно больше, чем в Британии. С этой перспективы Габсбургская империя неожиданно оказывается более «современной», чем Британская [Gammerl, Staatsbürger, Untertanen, und andere, 2010]. Различные версии подхода к проблеме нации получали большее или меньшее влияние, во многом в зависимости от результатов соревнования между империями.

Определение длинного XIX в. как века «империи и национализма» оказывается очень точным, однако империи выступают в этом веке не только как сила, подавляющая или ограничивающая периферийные национализмы, но и как сила, пытающаяся использовать национализм для решения именно имперских задач. То, каким образом империи строили нации в метрополии, может служить важным критерием для их классификации, тесно связанным с другими параметрами их развития. Значение такой классификации представляется особенно важным при анализе механизмов распада империй. Много нового для понимания механизма распада империй дает нам также изучение того, как империи использовали национализм в качестве оружия друг против друга.

Первая мировая война завершилась распадом не только Османской империи, уже сильно ослабленной к моменту ее начала, но и остальных крупных континентальных империй Европы – России, Германии и Австро-Венгрии. Сегодня доминировавшая долгое время точка зрения, согласно которой большая война лишь дала свободу и без того сильным сепаратистским устремлениям периферийных национализмов, не считается историками убедительной. Макросистема континентальных империй в течение длительного времени была внутренне стабильна, потому что, несмотря на час-

тые войны между соседними империями, все они придерживались определенных конвенциональных ограничений в своем соперничестве. В общем, они не стремились разрушить друг друга – во многом потому, что Романовы, Габсбурги и Гогенцоллерны нуждались друг в друге, чтобы справляться с наследием разделов Речи Посполитой. Только в ходе приготовлений к большой европейской войне и во время Первой мировой соседние империи стали столь активно, отбросив прежние ограничения, использовать этническую карту против своих противников. Сила национальных движений в этой макросистеме к концу войны во многом была обусловлена тем, что они получили поддержку соперничавших империй, которые теперь боролись друг с другом «на уничтожение». Мобилизация периферийных национализмов против империй-соперников осуществлялась не только через пропаганду или прямую поддержку собственной агентуры во вражеском лагере, но и в рамках оккупационной политики [Liulevicius, Vejas, 2000], в организации особых лагерей для военнопленных по этническому признаку [Миллер, 2006] и целом ряде других мер.

Сравнивая распад этих империй, мы видим, что в Австро-Венгрии, где пространство было структурировано так, что отдельные земли можно было при желании трактовать как национальные территории, процесс вычленения отдельных государств в Цислейтании прошел довольно бескровно. То же самое относится к Хорватии, обладавшей автономией в составе венгерского королевства. Зато в остальной части Транслейтании, охваченной венгерским проектом строительства имперской нации, расчленение на отдельные государства вызвало ожесточенные и кровавые конфликты. Также крайне конфликтно протекал распад Российской империи, структурирование которой не учитывало этнический фактор или, скорее, учитывало его от противного, т.е. было направлено на предотвращение этнической консолидации. Эти конфликты могли быть еще больше, если бы большевики по мере утверждения своего контроля над пространством Российской империи не перевели их в русло бюрократического торга. Созданный на месте империи Романовых СССР уже распадался сравнительно бескровно, поскольку этот распад был подготовлен квазифедеративным устройством Советского Союза и советской политикой территориализации этничности [Kaiser, 1994].

В этой истории коллапса континентальных империй есть несколько закономерностей, которые подтверждаются и на более поздних примерах распада империй. Во-первых, чаще всего империи разрушаются не под напором периферийных национализмов, но в результате давления других великих держав и / или «схлопывания» метрополии. Так, начало распада Британской империи было положено в 1940 г., когда первым вопросом, который США считали уместным обсудить в рамках переговоров о помощи осажденному нацистами острову, был вопрос о снижении торговых тарифов в британских колониях. Во-вторых, чем более периферийный регион империи включен в проект строительства имперской нации, тем болезненнее оказывается процесс его суверенизации – это подтверждается примерами Ирландии и Алжира. В-третьих, процесс деколонизации, неизменно сопровождающийся большими надеждами и ожиданиями, почти неизменно приводит к цивилизационному и экономическому регрессу, по крайней мере, в первый период независимости [Springhall, 2001; Shipway, 2008]. Это значит, что модели «национального освобождения», с помощью которых и историки, и политологи, и, тем более, политики описывали и до сих пор описывают процессы распада империй и деколонизации, как минимум не полны, а чаще всего просто ошибочны в плане анализа движущих сил и ведущих акторов.

Литература

- After empire – multiethnic empires and nation-building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg empires / Barkey H., Hagen M.V. (eds.). – Boulder; Colorado: Westview Press, 1997. – 200 p.
- Berger S., Miller A. Nation-building and regional integration, 1800–1914: the role of empires // *European review of history*. – L.: Routledge, 2008. – Vol. 15, N 3. – P. 317–330.
- Berger S., Miller A. Nationalizing empires / Berger S., Miller A. (eds.). – Budapest; N.Y.: CEU Press, 2014. – В печати.
- Birtek F., Dragonas T. Citizenship and the nation state in Greece and Turkey / Birtek F., Dragonas T. (eds.). – L.: Routledge, 2005. – 208 p.
- Cannadine D. Ornamentalism. How the British saw their empire. – Oxford: Oxford univ. press, 2001. – 263 p.
- Colley L. Britons: forging the nation, 1707–1837. – L.: Pimlico, 1994. – 429 p.

- Dickinson E.R.* The German empire: an empire? // *History workshop journal*. – Oxford, 2008. – Vol. 66. – P. 129–162.
- Eisenstadt Sh. N.* Multiple modernities. – N.Y.: American academy of arts and sciences, 2000. – 267 p.
- Gammerl B.* Staatsbürger, Untertanen, und andere. Der Umgang mit ethnischer Heterogenität im britischen Weltreich und im Habsburgerreich, 1867–1918. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. – 400 p.
- Gellner E.* Nations and nationalism. – Ithaca: Cornell univ. press, 1983. – 150 p.
- Kaiser R.J.* The geography of nationalism in Russia and the USSR. – Princeton, N.J.: Princeton univ. press, 1994. – 471 p.
- Kamen H.* Empire: how Spain became a world power, 1492–1763. – N.Y.: Perennial, 2004. – 608 p.
- Kamusella T.* The politics of language and nationalism in modern Central Europe. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. – 1114 p.
- Lieven D.* Empire: the Russian empire and its rivals. – New Haven, Conn.: Yale univ. press, 2001. – 486 p.
- Liulevicius V.G.* War land on the Eastern front: culture, national identity and German occupation in World War I. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2000. – 309 p.
- McCarthy J.* Death and exile: the ethnic cleansing of Ottoman muslims, 1821–1922. – Princeton, N.J.: Darwin press, 1995. – 368 p.
- Osterhammel J.* Europamodelle und imperiale kontexte // *Journal of modern European history*. – München, 2004. – N 2. – P. 157–181.
- Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. – München: Beck, 2009. – 1568 S.
- Pitts J.* A turn to empire: the rise of imperial liberalism in Britain and France. – Princeton: Princeton univ. press, 2005. – 382 p.
- Sachsenmaier D., Riedel J., Eisenstadt Sh.N.* Reflections on multiple modernities: European, Chinese and other interpretations. – Leiden: Brill, 2002. – 314 p.
- Shipway M.* Decolonization and its impact: a comparative approach to the end of the colonial empires. – Malden; Oxford: Blackwell, 2008. – 269 p.
- Springhall J.* Decolonization since 1945: the collapse of European overseas empires. – Houndmills; N.Y.: Palgrave, 2001. – 268 p.
- Stepan A., Linz J.J., Yadav Y.* Crafting state-nations: India and other multinational democracies. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 2010. – 308 p.
- Suny R.G.* The empire strikes out: imperial Russia, «national» identity, and theories of empire // *A state of nations: empire and nation-making in the age of Lenin and Stalin* / Suny R.G., Terry M. (eds.) – Oxford: Oxford univ. press, 2001. – P. 23–66.
- The rise of state-nations* // *Journal of democracy*. – Wash., D.C., 2010. – Vol. 21, N 3. – P. 50–68.
- Wallerstein I.* The modern world-system IV: centrist liberalism triumphant, 1789–1914. – Berkeley: Univ. of California press, 2011. – 396 p.
- Weber E.* Peasants into Frenchmen: the modernization of rural France, 1870–1914. – Stanford, Calif.: Stanford univ. press, 1992. – 615 p.
- Миллер А.* Империя Романовых и национализм. – М.: НЛО, 2006. – 340 с.